

К сожалению, адресатом оказался Цяо Юэ, при одном виде которого у него поднималось давление, и его литературный дар пропал даром.

Однако после отправки этих любовных писем Цяо Юэ наверняка оказался на шаг ближе к наказанию.

Хэ Чжиян насвистывал мелодию, передавая письма в Терем Весенней Волны. Согласно плану, терем ежедневно отправлял украшенную цветами повозку к воротам военной школы, прямо указывая, что письма адресованы Цяо Юэ.

Повозка Терема Весенней Волны была украшена двумя яркими фонарями с жемчужными занавесками, выделяясь среди других. Даже слепой по запаху мог понять, что это повозка из публичного дома.

Слухи разлетаются по столице быстрее зайца, и за месяц они успели бы несколько раз перекипеть.

Хэ Чжиян вернулся в Академию Гоцзыцзянь, готовясь спокойно наблюдать за развитием событий.

Две школы стояли друг напротив друга, и любое движение на той стороне не могло ускользнуть от его внимания.

Однако прошло уже три-четыре дня, а в Страже в парчовых одеждах всё было спокойно.

Хэ Чжиян начал терять терпение. Если бросить серебро в воду, можно хотя бы услышать всплеск, а тут, тратя деньги каждый день, он даже не слышал слухов о том, что Цяо Юэ собираются наказать.

Стража в парчовых одеждах явно не спешила разбираться с внутренними делами.

Что еще хуже, ему приходилось каждый день собственноручно писать любовные письма. Если бы адресатом была очаровательная девушка, Хэ Чжиян мог бы найти в этом некоторое удовольствие, но писать врагу было настоящей пыткой, вызывая лишь злость.

После занятий Хэ Чжиян выглядел удрученным, с темными кругами под глазами.

Хо Яо, ухмыляясь, посмотрел на него:

— Брат Янь, снова писал любовные письма?

Они договорились разделить обязанности, но, сравнив почерки, поняли, что они разные. Хэ Чжиян уже написал первую партию, и чтобы план был безупречным, остальные могли только просить его продолжать.

— Отстань, — Хэ Чжиян потряс запястьем, скрипя зубами. — Я всегда получал письма до изнеможения, но это первый раз, когда я пишу их до изнеможения.

Этот счёт тоже нужно записать на Цяо Юэ!

Хо Яо снова рассмеялся, разглядывая Хэ Чжияна:

— Брат Янь, ты так быстро слабеешь?

Хэ Чжиян на мгновение задумался, прежде чем понять намек, и рассердился, собираясь ударить его:

— Ты так переживаешь об этом? Не волнуйся, укротить тебя — плёвое дело.

Он был в недоумении. Какие же это друзья? Вся грязная работа на нем, а они еще и подшучивают.

— Прости, брат Янь, — Хо Яо попытался исправить ситуацию. — Подумай о том, как Цяо Юэ получит по заслугам. Разве это не стоит усилий?

Хэ Чжиян молчал, с темными кругами под глазами, появившимися из-за написания писем.

За две жизни он никогда не был так усерден. Не раз он задавался вопросом, кого же этот план на самом деле наказывает — его самого или Цяо Юэ!?

Хэ Чжиян взял кувшин с водой, выпил несколько глотков и вздохнул, как будто пытаясь заглушить печаль.

...В конце концов, только мысль о том, как Цяо Юэ получает по заслугам, давала ему силы продолжать.

Цяо Юэ, естественно, получил письма. В отличие от Академии Гоцзыцзянь, где занимались только учебой, он уже был прикреплен к Страже в парчовых одеждах и имел свои обязанности.

Помимо изучения политических сочинений и практических тренировок, он занимался допросами, поэтому, когда повозка Терема Весенней Волны приехала, он даже не увидел ее колес.

Таким образом, представление Терема Весенней Волны оказалось напрасным.

Даже любовные письма, лежащие у ворот, принес ему Пан Ин.

Пан Ин понюхал таинственную ткань с легким ароматом и передал Цяо Юэ:

— Последние несколько дней у ворот каждый день что-то для тебя приносят.

Цяо Юэ:

— Что?

— Похоже, от девушки. На веере написано любовное письмо, — Пан Ин добавил. — Старик у ворот несколько раз смотрел на меня, словно хотел что-то сказать.

Цяо Юэ чистил парчовую саблю, и свет от лезвия освещал его глубокие глаза:

— Оставь это.

Пан Ин:

— ...Не знаешь, кто написал это письмо? Не хочешь открыть?

Цяо Юэ вложил саблю в ножны, бережно погладил узоры на оболочке и, не поднимая головы, равнодушно сказал:

— Не интересуется.

Пан Ин, не удивляясь, пожал плечами и собрался уйти.

— Постой, — Цяо Юэ слегка нахмурился, его голос стал холодным, как лед. — Кто-то уже использовал этот метод для подачи жалобы. Будь внимателен, чтобы не пропустить что-то важное.

Пан Ин усмехнулся:

— Тысячник, вы действительно преданы своей работе.

Таким образом, так называемые любовные письма не были открыты адресатом, а оказались в руках Пан Ин.

Несмотря на всю показуху с повозкой, слухи о несуществующих вещах не распространились.

Хэ Чжиян потряс почти онемевшей рукой и отправился к Сяо И и Диди из публичного дома:

— Эти слухи застряли на полпути?

Диди тоже была в недоумении:

— Ох, молодой господин, кто мог подумать, что Стража в парчовых одеждах такая молчаливая? Никаких слухов, что мне делать?

Обычно слухи о любовных делах распространяются быстро, но Стража в парчовых одеждах действовала не по правилам, и она была озадачена.

Хэ Чжиян закатил глаза:

— Мой... друг пишет письма до изнеможения. Постарайся раздуть скандал.

— Чтобы раздуть скандал, нужно сначала сыграть спектакль, — Диди напрягла мозги. — Письма доставляет обычный слуга, это никого не привлекает. Если бы автор писем появился в легкой вуали, это бы вызвало обсуждения.

Хэ Чжиян настороженно посмотрел на нее:

— Автор писем? Я поручил написать их другому человеку. Он скорее умрет, чем появится перед Цяо Юэ!

Он бы скорее погиб вместе с Цяо Юэ, чем признался бы, что сам написал эти письма!

— Конечно, не вас, — Диди улыбнулась. — Это наш Пань Цзюнь. Он сам предложил взять на себя эту задачу.

Она хлопнула в ладоши, и из-за ширмы вышел молодой человек с изящной фигурой, блестящими глазами и чарующим взглядом.

Хэ Чжиян, окруженный ароматами, нахмурился, его голос стал резким:

— Ты сам взялся за это дело? Скажу сразу, у меня нет лишних денег для тебя.

Пань Цзюнь улыбнулся, его голос был мягким и приятным:

— Выйти на прогулку — это как глоток свежего воздуха. Мне не нужны ваши деньги.

Его внешность и манера поведения были выше среднего, и в южном доме он наверняка не испытывал недостатка в клиентах. Почему он захотел появиться у ворот школы Стражи в парчовых одеждах?

— Тогда что тебе нужно? — Хэ Чжиян мрачно посмотрел на него, прищурился. — Он из Стражи в парчовых одеждах. Если ты сделаешь что-то не так, ты можешь исчезнуть.

Юноша говорил резко, его белое, как яшма, лицо выражало надменность.

Пань Цзюнь смиренно опустил глаза:

— Я уже всё обдумал и хочу помочь вам довести дело до конца.

Хэ Чжиян приподнял бровь и усмехнулся:

— Ладно, ты действительно бескорыстен.

Диди дала знак Пань Цзюню уйти, не понимая настроения Хэ Чжияна:

— Молодой господин, наконец-то кто-то взялся за это дело, а вы хмуритесь и ведете себя так, будто не хотите успеха?

С тех пор как Пань Цзюнь появился, молодой господин всё время хмурился, словно противился ему.

Хэ Чжиян задумался. Действительно, Пань Цзюнь пришел помочь ему. Обычно он был доброжелателен, почему же сейчас вел себя как тиран?

Он подавил легкое чувство неудовольствия и покачал головой:

— Пусть завтра пойдет. Пусть оденется скромно и изысканно, и пусть не делает ничего лишнего. У их тысячника высокие стандарты, а Стража в парчовых одеждах не так проста.

— Скажи, а Цяо Юэ действительно может влюбиться в этого парня? — На уроке политических сочинений Хэ Чжиян сидел на последней парте в Академии Гоцзыцзянь, прищурившись, спросил Хо Яо. — У меня даже нет возлюбленной, а я ему нашел пару? Чем больше думаю, тем больше злюсь!

Хо Яо повернулся и продолжил спать:

— Если они действительно сойдутся, разве это не лучше? Попадут в нашу ловушку, и нам не придется строить козни.

— Нет! — Хэ Чжиян раздраженно ответил. — Он не называет меня отцом, зачем мне искать ему пару? Я не буду заниматься этим убыточным делом.

Хо Яо, раздраженный, накрыл голову книгой и беззастенчиво улегся на парту.

Учитель, видя, что на задних партах одни ученики раздражены, а другие спят, сам понизил голос.

Когда прозвенел звонок, Хэ Чжиян сразу же схватил Сюй Ицина и побежал с ним к восточным воротам Академии Гоцзыцзянь купить еды.

В столовой Академии подавали еду только в обед и вечером, а студенты, находившиеся в периоде роста, постоянно хотели есть, поэтому часто убегали купить что-то более сытное.

У ворот Академии скопилось множество лотков с едой. Мать Сюй Ицина, с помощью Хэ Чжияна и его друзей, только что обосновалась здесь и продавала паровые булочки уже полмесяца. Хэ Чжиян каждый день после утренних занятий приводил Сюй Ицина, чтобы поддержать их.

<http://bllate.org/book/16783/1543270>